

УДК 111.6:616.89

DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-537-546

ПОТЕНЦИАЛ ПСИХОТЕРАПИИ КАК ГУМАНИТАРНОЙ ПРАКТИКИ: ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Динабург Светлана Роальдовна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

Необходимость философского исследования психотерапии как актуальной антропологической практики обосновывается с привлечением критической философии М. Фуко и современных форм материалистической философии. На протяжении всей своей истории психотерапия декларировала ценностную нейтральность и дистанцировалась от участия в разрешении актуальных социальных проблем. Однако в наши дни это положение, вытекающее из необходимости соблюдения профессиональных требований, вошло в противоречие и с реальным положением вещей, и с задачами развития самой психотерапии. С одной стороны, рождение и становление психотерапии происходило в эпоху разрушения культурных ценностей и кризиса философии, поэтому она с необходимостью наследовала мировоззренческую, духовно-этическую и праксеологическую миссию предшествующих социальных институций. С другой стороны, ей не удалось избежать влияния индивидуалистических установок и ценностей консьюмеризма, а также определенной социальной ангажированности. Психотерапия и транслируемые ею ценности играют важную роль в современной, особенно западной, культуре, хотя это влияние зачастую носит латентный характер. На кейсе концепции устойчивого развития показано, что необходимым условием решения актуальных социальных проблем является готовность преодолевать стереотипность мышления и прежние ценностные установки, преодолевать сопротивление изменениям и сопутствующий им дискомфорт. Не отрицая определяющей «в конечном счете» роли объективных производственных факторов для общественных трансформаций, ведущих к устойчивому развитию, автор полагает, что антропологические практики могут этим трансформациям существенно способствовать.

Ключевые слова: «антропологические практики», зрелость, психотерапия, сложность, трансдисциплинарность, устойчивое развитие, этика потребления.

POTENTIAL OF PSYCHOTHERAPY AS HUMANITARIAN PRACTICE: PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Svetlana R. Dinaburg

Perm National Research Polytechnical University

The paper substantiates the necessity of philosophical research on psychotherapy as a current anthropological practice, which is done based on the critical philosophy of M. Foucault and modern forms of materialistic philosophy. Throughout its history, psychotherapy has declared its axiological neutrality and distanced itself from participation in resolving urgent social problems. However, nowadays this concept, stemming from the need to comply with professional requirements, has come into conflict with the real state of things, and with the tasks of the development of psychotherapy itself. On the one hand, the birth and formation of psychotherapy occurred in the era of the destruction of cultural values and the crisis of philosophy, so it necessarily inherited the ideological, spiritual and ethical, as well as praxeological mission of previous social institutions. On the other hand, it has failed to avoid the influence of individualistic attitudes and values of consumerism, as well as certain social engagement. Psychotherapy and its values play an important role in modern culture, especially Western, although this influence is often latent in nature. On the case of the sustainable development concept, the author of the article shows that the necessary condition for solving urgent social problems is the willingness to overcome stereotyped thinking and values, overcome resistance to change and the accompany-

ing discomfort. The author is not denying the defining role of the objective economic factors for social transformations that lead to the sustainable development, nevertheless believes that anthropological practices can significantly contribute to these transformations.

Keywords: «anthropological practices», complexity, ethics of consumption, maturity, psychotherapy, transdisciplinarity, sustainable development.

В условиях многоаспектного кризиса современной человеческой цивилизации, который можно интерпретировать как следствие комплекса глобальных проблем человечества, психотерапия прочно вошла в число наиболее востребованных современностью гуманитарных, или как их еще называют, «антропологических» практик. Непосредственное тому подтверждение — «реальность систематической встречи “практикующих”» [1, с. 78]. Под такого рода практиками мы понимаем различные формы намеренной, направленной трансформации себя, имеющие в основе некую «идею о человеке» (В.М. Розин), что позволяет в какой-то мере преодолевать детерминирующую деятельность и мышление каждого из нас «культурную и социальную обусловленность» [2]. Едва ли нужно доказывать, что эти «человекотворческие» практики, подобные психотерапии, остро нуждаются в компетентной философской рефлексии — в том числе со стороны онтологии. Проблема, однако, состоит в том, что философское осмысление этого феномена вообще значительно отстает от уровня экспансии психотерапии. Пока в отечественной литературе можно найти лишь единичные работы, в какой-то степени посвященные такому осмыслению [3–5].

Основной целью данной работы является попытка выявить общее направление поиска онтологических оснований возможной философской концепции психотерапии, продемонстрировав одновременно, что выбор этих оснований тесно связан с определенной социально-философской и праксеологической концепцией.

Что же такое психотерапия, как возможно ее философское определение? Попытки определить психотерапию через существенную связь или атрибут, например, как «влияние на психику» или *talking cure* («лечение разговором»), столь же архаичны и принципиально недостаточны, как известные дефиниции «существо без перьев», «политическое животное» — в отношении человека. Поэтому, следуя за потенциалом исторически и теоретически доказавшего свою продуктивность принципа, что *сущность* человека — это *ансамбль* всех общественных отношений (знаменитый «шестой тезис о Фейербахе» К. Маркса), необходимо иметь в виду, что и онтология психо-

терапии не может быть выстроена и понята вне рассмотрения ее в системе социальных связей.

Проблематичность *осуществления* указанного подхода в отношении любого феномена связана не только со многими аспектами сложности самого объекта исследования. Очевидно, что социальные явления, будь то отдельный факт или событие, не говоря о любых формах деятельности: 1) не могут быть просты в своей структуре и связях с другими социальными объектами; 2) обладают исторической и культурной динамикой, на которую влияет активность субъектов, 3) вовлечены к тому же в неоднозначные процессы коммуникации и интерпретации. Трудность иного порядка заключается в том, что построение основательной системы — не исчерпывающей, но раскрывающей ключевые аспекты любого социального феномена — неизбежно обусловлено определенным теоретическим пониманием *сложности, развития, субъекта* (и его активности), а также роли *интерпретации*, т.е. сопряжена с ключевыми проблемами современной онтологии.

Трезвая оценка своих возможностей вынуждает многих современных исследователей к методологической неконсистентности (неоднородности): они стремятся некоторым образом фиксировать границы систематического анализа (изложения), чтобы затем в соответствии с требованиями проблемно-ориентированного и трансдисциплинарного знания постнеклассической науки покинуть их, определяя свой предмет, например, «в широком метафизическом смысле, далеком от строгих коннотаций» [6, с. 1], или исследуя его «в рамках гетерогенного набора практик» [7, с. 6]. Вероятно, такой «практико-ориентированный» подход к определению, реализующий философствование, не отождествляемое исключительно с философской теорией, имеет право на существование — по крайней мере, в случае необходимости определения новых феноменов, не имеющих (а возможно, и в будущем неспособных обрести) «четких», «определенных» в смысле *классической* рациональности контуров. Более того, право на теоретическую «недоопределенность» при исследовании практик обосновано в подходе, получившем название «теория практик», предлагающем детальное описание специфики исследования

практик. Сама теория практик представляет собой не систему теоретических положений, а «определенный вид практики или сгусток практик», она не «объясняет, а интерпретирует» — дает не знание причинно-следственных связей, а новое понимание ситуации [8, с. 31–33].

Как показывает анализ литературы, современная методология успешно решает задачу определения сложных социальных феноменов в общем виде, выстраивая определенную топологию социального пространства и определяя место этого явления на этой своего рода карте социальной реальности. Интересно, что экспликация принципов такого определения становится возможной именно тогда, когда мы видим разные способы его реализации, в которых можно уловить «априорную» общность и «эволюционную» преемственность. Итак, локализация социального феномена, во-первых, ставит вопрос о его демаркации с другими объектами (с одной стороны, проводя различия, с другой — выделяя общие признаки), а во-вторых, пытается определить положение феномена относительно фундаментальных ориентиров. Заметим, что таксономическая задача подведения под более общее понятие, например, «психотерапия — это лечение методами психологического воздействия» или «психотерапия — это деятельность по избавлению от проблем», может рассматриваться как самая простая реализация указанного подхода, но именно этот путь способен породить фактически неограниченное количество слабосвязанных формулировок. Такой «клубок» дефиниций зачастую создает впечатление непостижимой сложности явления, и для проблемы определения психотерапии это справедливо в полной мере.

Появление уровня, на котором и возможно появление организованного пространства для описания социальной реальности, обусловлено тем, что *сложность* феномена понимается как система взаимосвязанных аспектов. Одним из фундаментальных столпов, к которому можно «привязать» практически любой социальный феномен, является «деятельность». Этот концепт в свою очередь традиционно раскрывается через связь аспектов: «теория» (система знания) — «практика» (социальная функция); «профессия» (место в общественном разделении труда) — «социальный институт» (организация, правила); «смысл» (базовое, существенное отношение) — «инструмент» (совокупность методов, приемов, образцов, техник). Таким образом, на этом методологическом уровне логично обосновывать, что психотерапия *тоже* наука и *тоже* профессия [4]. А также то,

что психотерапия отличается от медицины, педагогики и права, поскольку она реконструирует дисциплинарное отношение «власть – знание» (по М. Фуко) и потому не находится «в сговоре», как означенные сферы, с институциями, желающим получить «хорошего» (послушного) члена общества, служа непосредственно человеку [3].

Относительная ограниченность возможностей этого уровня описания проявляется в том, что подобная формально обобщенная структура, с одной стороны, образует сложную многомерную конструкцию (слабоинтегрированное перечисление ряда аспектов, ракурсов или контекстов), а с другой — не позволяет учесть влияние эффектов, которые вполне очевидны или подразумеваются, но остаются вне пределов рассмотрения. Таким образом, представленная картина теряет целостность и реалистичность. Для иллюстрации можно привести следующее определение, отнюдь не исчерпывающее все грани возможного и которое не может раскрыть *диалектику столкновения* — те реальные «встречные» движения в поле социальных сил, благодаря которым феномен вообще существует и развивается: «с историко-культурной точки зрения психотерапия предстает как (1) новейшая форма практики себя; с точки зрения ее парадигмальной специфики — как (2) гуманитарная дискурсивная практика; в социальном аспекте она является (3) институтом производства субъективности постсовременного типа, в корне отличным от нововременных антропологических практик тем, что в основе ее целевой программы заложен регулятивный принцип самопонимания обратившегося к ней человека; (4) от них ее отличает а) диалогическая коммуникативная структура, б) наличие этического измерения и в) непосредственный онтологический эффект; ее методологическим основанием является (5) феноменологическая герменевтика; в опоре на аристотелевское трехчленное деление глобальных сфер человеческой жизнедеятельности (*episteme – phronesis – techne*) — в противовес новоевропейскому двучленному делению (наука – практика) (6) телос психотерапии может категоризоваться как *фронезис* — “практическая мудрость” или “нравственная разумность”» [2, с. 194].

Поэтому следующий по сложности уровень представления социальных феноменов должен учитывать тот факт, что любая система знания производит также и незнание, социальные институты при исполнении прямых функций порождают теневые процессы, формы общественного сознания сближаются с практиками (например, для философии просматривается эмпирический уро-

вень, для науки — обыденный и идеологический, а традиционно понимаемые практики предполагают экзистенциально-мировоззренческий). Иначе говоря, сложные социальные феномены имеет смысл рассматривать как *системы духовно-практической деятельности*, структурная организация которых инвариантна — и философия в этом смысле аналогична искусству, религии, частным наукам и т.д. [9, с. 6]. На этом уровне сложность понимается в духе идеи «самоподобия сложных структур, масштабной инвариантности, фрактальности», где «малый фрагмент структуры... подобен другому, более крупному фрагменту или даже структуре в целом» [10, с. 740].

При этом способе рассмотрения психотерапия структурно подобна другим «теоретически осведомленным практикам», «интегральным формам опыта» [11] — не только медицине, педагогике и юриспруденции, но также архитектуре, агрономии и др. Все они представляют не только проблемно-ориентированный полидисциплинарный комплекс знания, за пределами узкого дисциплинарного деления, подобно тому, как психотерапия базируется не только на психологической науке, а исторически и теоретически сложилась как взаимодействие философии, наук о человеке и гуманитарной методологии [3, 4]. Но также структура этого интегрального опыта является одновременно теорией (научным знанием), практикой (сферой его общественно востребованного применения), искусством (воспроизведением общего в единичном и в широком смысле творческим синтезом разума и интуиции), практической мудростью (системой адекватных и ответственных решений) и ценностно-нормативной моделью (основой смысложизненного проекта) [12, с. 40].

Обоснованная таким подходом *интегральная форма опыта* представляет собой не формальную схему, а вполне жизненную территорию, описание которой можно интерпретировать как карту и специфицировать по мере практической необходимости. Однако один из центральных вопросов здесь — это вопрос именно «широкого метафизического смысла», вопрос об особом идеале культурной жизни, воплощаемом феноменом психотерапии. Поэтому для такого уровня определения феномена необходимо дополнительное измерение сложности, приводящее к пониманию интегрального опыта как социокультурного феномена — как «социального в культурном разнообразии» [9, с. 3]. При таком подходе культура рассматривается как конкретно-исторический вариант развития общества, а общество — как ансамбль взаимодей-

ствующих культур. От территории опыта-практики мы переходим к *культурному ландшафту*, базирующемуся на многообразии форм социокультурной материальности. Это физическое пространство и среда обитания, «но теперь мы видим на них печать былого отвоевания и защиты, освоения и преобразования». Культурный ландшафт «выступает местом рождения человека и его последнего покоя», здесь открывается важность его «поэтического, религиозного, метафизического осмысления» [13, с. 141], а экологическая проблематика стимулирует в связи с этим ландшафтом формирование новой этики.

С онтологической точки зрения психотерапия не является деятельностью по устранению проблем, если их понимать в аспекте фундаментального проявления реальности. Однако она устраняет их невыносимость для человека, выступая «ускоренным образовательным процессом», направленным на достижение задержавшейся зрелости «из-за попыток жить с детским отношением к жизни» (по Д. Бьюдженталю). Определение ее через лечение корректно при двух обязательных условиях. Во-первых, по Ю. Хабермасу, это прежде всего «подлинная деонтология», понимающая «нарушение специфически человеческого способа существования» — утерю свободы и самообман, «самоутаивание страдания» как основание и причину психического расстройства. Здоровье в таком случае выражается не через индикаторы нормальности, а через признаки «ненарушенного самобытия» [14, с. 10]. Во-вторых, это лечение как «практика себя» — психотерапия снимает с человека «невольный статус объекта» и «вводит его в действие в качестве автора своей собственной жизни» (Ш. Ференци).

Послание психотерапии человеку парадоксально: «стать тем, кто я есть, стать (самим) собой». Это послание транслируется через многообразные формы «неосязаемой материальности» [13], пронизывает собой все аспекты феномена и циркулирует в различных сферах культуры. Для адекватного восприятия такого послания, для реализации саморефлексивной антропологической «практики себя» необходим субъект особого рода. И он, как показано [5], появляется на определенном этапе социально-исторического развития, в результате глобальной и локальной социальной динамики и становления необходимых технологий.

Можно указать на два ключевых и взаимосвязанных качества антропологических практик, истоки которых М. Фуко обнаруживает еще в Античности, однако содержание их затем «переот-

крывается» и технологизируется в профессиональной психотерапевтической деятельности. Первое необходимое качество связано с практикой устойчивого, направленного, длительного внимания в процессе осмысленной деятельности для преодоления неизбежной инерции и сопротивления, встречающих любые попытки изменения. Таким образом, становление изменений в своей глубинной основе — это не столько процесс интеллектуального узнавания или «влияния на психику», сколько *перестройка связей на всех уровнях* — от новых нейронных путей до социальных отношений. Для того чтобы этот процесс мог состояться, необходимы также «технологии для установления доверительных личных отношений людей друг с другом и со сферой трансцендентного» [13, с. 143]. Особо подчеркнем, что под «трансцендентным» здесь может пониматься вполне интерпретируемый с позиции научного подхода опыт — например, трансперсональные переживания индивидом, связанные с его объективной причастностью ко всеобщему [15].

Анализируя социокультурный контекст, в котором реализуются психотерапевтические практики в наши дни, следует признать, что отщепление «практик себя» от сферы так понимаемого трансцендентного, интерпретация своей «самости» (self) в индивидуалистическом и эгоцентрическом ключе, в духе само-озабоченности и самоочарованности стало одним из наиболее важных изменений в культуре за последние десятилетия. Это культура потребительского общества. Вульгаризированное саморазвитие «свелось к потреблению и приобретению впечатлений, переживаний, культурных и материальных продуктов, приобретению привлекательности и харизмы» [16, с. 98]. Экономической основой этого общества является частная собственность, которая, по-видимому, действительно способствует высокому уровню отчуждения людей друг от друга и от самих себя в современном социуме. Неслучайно, как отмечает О.В. Хлебникова, в таком обществе «окружающий людей ландшафт по определению состоит не из других людей и вещей, а исключительно из объектов потребления ... и основным сущностным содержанием гештальта потребления выступает внутреннее переживание человеком бытия мира в качестве акта его *присвоения* (выделено мной. — С.Д.)» [6, с. 2–3]. Если же учесть, что психотерапевтическая практика имеет существенную материальную основу (это суровая реальность психофизиологии, психосоматики, вполне конкретных социальных условий и ресурсов), то ответ на во-

прос о вкладе психотерапии в процесс воспроизводства и развития «общественной психологии», общественного сознания, с одной стороны, по-видимому, может быть принципиально обоснован с *материалистических позиций*.

Однако, с другой стороны, «сильное» материалистическое обоснование этого ответа пока затруднено рядом обстоятельств. Одно из них связано не только с недостаточно развитыми средствами анализа неэкономических факторов, но и со сложившимся теоретическим скепсисом в отношении материалистического подхода к решению проблемы социального развития. Хотя материалистическое понимание истории возникло как открытая научная система, все же, как отмечал С.Э. Крапивенский, поскольку оно «формировалось в противостоянии с социологическим идеализмом, главное внимание ее творцами обращалось на обоснование экономической стороны в качестве материальной основы жизни общества, и в то же время не всегда хватало времени, сил и поводов для выявления активной роли внеэкономических факторов — духовно-психологических, технико-технологических, географических, биодемографических и т.д.» [17, с. 21]. В итоге «дело дошло до прямой конфронтации с неэкономическими парадигмами общественного развития», которые нередко подвергались «“зряшной”, все отметающей критике» [там же]. Поэтому известный еще основоположникам марксизма закон активного обратного воздействия общественного сознания на общественное бытие у их последователей не получил достаточной разработки с позиций материализма на огромном и чрезвычайно интересном материале XX – начала XXI в., причем именно такой разработки, которая позволила бы с материалистических позиций интегрировать социальные («натуралистические») и гуманитарные («культурцентристские») концепции «среднего» уровня. Отметим впрочем, что в русле неомарксизма попытки такой разработки в последние десятилетия делались [7].

Другим обстоятельством, затрудняющим оценку вклада «общественной психологии» в социальные изменения, является сам объективный закон отсутствия «жесткой связи», однозначной детерминации между общественным бытием и общественным сознанием. Закон этот проявляется в способности общественного сознания как опережать общественное бытие (теоретический профетизм), так и отставать от него, затягивая рефлексию значимых тенденций («слепое пятно» в рецепции). Признание на этом фоне положения

современной теории сложности о том, что реальность «безжалостно нелинейна» — а значит, наступление экстремальных, маловероятных событий «скорее норма, чем исключение для сложного мира, в котором мы живем», выводит на повестку дня новую логику обоснования. Обоснования не только «сущего», но и «должного», не только объяснения «мира сложности», но и «управления сложностью», не столько обоснования закономерности его механизмов (они, конечно, закономерны и эту закономерность можно и нужно интерпретировать с позиций материализма), сколько конструирования «желаемого, наиболее благоприятного и вместе с тем достижимого будущего» [18, с. 82–83].

Разработка проектов в рамках этой амбициозной программы, как и развитие конкретно-всеобщего уровня философской рефлексии о роли различных интегральных форм опыта в формировании культурного ландшафта — это, по-видимому, грандиозная задача будущих коллективных усилий, своего рода «объективированный заказ» для научных трансдисциплинарных коллабораций. Мы же понимаем основную задачу нашего исследования как гораздо более скромную — способствовать такой постановке вопроса о социальной значимости феномена психотерапии, которая позволила бы благодаря учету социальной перспективы продвинуться к подходящей для интерпретации этого феномена онтологии. В качестве предварительного обоснования в этой связи можно сослаться на интересную мысль К.С. Пигрова о том, что «социальное — это даже не предмет, а один из фундаментальных *методов* постижения всеобщего», и тогда территория социальной философии — это метатеория, необходимая для погружения на уровень «всеобщего, постигаемого через изучение социума» [19, с. 64–67].

Во всяком случае очевидно, что всеобщий уровень феномена психотерапии может быть понят не в узком смысле, как изменение сознания, поведения, а в широком, через понимание философии как *практики*, например, в форме *философии поступка*, по М.М. Бахтину. Философия поступка — это онтология не столько «сознания», сколько переживания и действия, философия особенного-для-единичного: «факт действительного признания своей причастности к единому бытию-событию, факт, не могущий быть адекватно выраженным в теоретических терминах, а лишь описан и участно пережит»; «Я занимаю в единственном бытии единственное, неповторимое, незаместимое и непроницаемое для другого ме-

сто... <и> ...это признание единственности моего участия в бытии есть действительная и действенная основа моей жизни и поступка» [цит. по: 20].

Сделав эти замечания относительно онтологических, социально-философских и праксиологических аспектов и перспектив исследования феномена психотерапии, завершим статью обращением к кейсу крупных социальных проблем, поиск решения которых, по-видимому, будет серьезно затруднен вне контекста антропологических практик. Речь идет о глобальных проблемах человечества и направленной на их решение стратегии устойчивого развития (УР). Как известно, парадоксальность ситуации состоит в том, что принятая на международном уровне и не имеющая серьезной научной контраргументации концепция УР на протяжении без малого пятидесяти лет конкретными странами была реализована в очень малой степени.

Однако можно показать, что вектор современной «устойчивости» проявляется не только по отношению к динамике событий, в смысле «sustainable-to» (resilience), но и по отношению к области проявлений в самой повседневности, в смысле «sustainable-in» (lifestyle). Концепция «устойчивого стиля жизни» не только *провозглашалась* (в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро) как путь экологизации и производства, и потребления. Она не только активно *обсуждалась* в последние десятилетия как *новая этика потребления*, продиктованная последствиями влияния привычного образа жизни на окружающую среду. Сегодня она *реализуется* — и именно как *практическая народная философия* в родственных друг другу формах энвайронментализма, эссенциализма, минимализма, движений SimpleLife («простая жизнь») или SlowMovement («медленное изменение») и т.п. «Происходящая сегодня переориентация поведения людей в сторону учета экологического фактора в повседневной жизни рассматривается исследователями как результат перемены ценностных ориентаций» [13].

С одной стороны, существуют серьезные аргументы «против», делающие реализацию принципов этой философской практики труднодостижимым на уровне больших групп людей и глобальных изменений. Очевидно, что на фоне «океана» глобального потребительского общества, фундированного экономически, отдельные личности и небольшие сообщества вполне могут построить отдельно взятые «экологические оазисы», это даже может стать трендом, как, например, движение

ZeroWaste («нуль отходов»), но этой стратегии, основанной главным образом на отказе от того, что предлагает уже запущенный механизм производства/потребления, может быть недостаточно для того, что переломить общую ситуацию.

Вместе с тем нужно понимать, что любой процесс, направленный, например, на снижение материалоемкости услуг, происходит не только в поле производственных отношений. Это также и этический процесс, и философия практического разума, которая может быть основана не только на облагораживании диктата объективных обстоятельств, не только на категорическом моральном императиве «отказа», но и на признании необходимости самоограничений и способности их осуществлять в практическом русле. Способность же к самоограничениям — это достояние зрелости: индивидуальной и коллективной, личной, социальной, экономической, политической и т.д. И думается, что антропологические практики могут внести существенный вклад в столь необходимое в современных условиях «повзреление» человечества, в формирование готовности преодолевать стереотипность мышления и устаревшие ценностные установки, преодолевать сопротивление изменениям и сопутствующий им дискомфорт. Да, новейшие антропологические практики это, как правило, «всего лишь» слово, «всего лишь» диалог. Однако, как замечал в этой связи известный теоретик и практик революционного движения, «вульгарный революционаризм не понимает того, что слово тоже есть дело; это положение бесспорное для приложения к истории вообще или к тем эпохам истории, когда открытого политического выступления масс нет...» [22, с. 59]. И фактически Д. Медоуз — один из главных инициаторов разработки идей устойчивого развития, спустя несколько десятилетий, размышляя о причинах препятствующих этому движению, «перекрывает» роль субъективных факторов при осуществлении объективно обусловленных процессов социального развития. Он формулирует это в контексте реалий нашего времени: нужно выключить компьютеры и отложить в сторону статистические данные и сценарии, чтобы обсудить выводы, «основанные не только на научном анализе, но и на наших внутренних ощущениях и интуиции», поскольку «это вопрос лидерства, этики, умения видеть и смелости... свойства не компьютерных моделей, а человеческого сердца и души» [23, с. 60]. Д. Медоуз упоминает в этой связи «умение видеть, создание групп единомышленников, правдивость, обучение и любовь»

[23, с. 61]. Нетрудно заметить, что эти «мягкие средства» — не что иное, как две взаимосвязанные стороны психотерапевтической деятельности: ценностно-смысловой и организационно-инструментальной.

Таким образом, психотерапия как антропологическая практика, предлагая человеку «стать самим собой», исходит из того, что освободиться от симптомов «нарушенного самобытия» он может только при условии, если сам — не только благодаря, объективным обстоятельствам своей жизни, но и вопреки некоторым из них — захочет занять подлинное место в мире. В свою очередь психотерапия может остаться востребованной лишь культивируя трансцендентное измерение своей практики, преодолевая узкоутилитарный контекст повседневности — только в этом случае она может уйти от опасности сведения ее до элемента сферы рыночных услуг. Обе задачи, как свидетельствует успешный опыт психотерапевтической практики, могут быть решены в едином процессе — встрече практикующих. Подчеркнем, что в современной культуре подобные интегративные процессы весьма распространены: скажем, в движении через границы традиционных философских и научных дисциплин практика и этос преодолевают прежнее жесткое деление на «метафизику» и «опытную» науку. В этом смысле актуальность изучения антропологических практик в их социальном измерении весьма велика. Причем сам способ их рассмотрения как форм интегрального опыта предполагает возможность иначе увидеть и пережить знакомый, давно изучающийся специализированными методами предмет, например, глобальные проблемы современности и возможные пути их решения, увидеть и пережить по-новому.

Список литературы

1. Михайлова Е.Л. Напряжение в сети нормальное (некоторые аспекты психотерапии как социокультурной практики) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2006. Т. 3, № 1. С. 77–81.
2. Розин В.М. Понятие и типы антропопрактик // ЧЕЛОВЕК.RU. 2017. № 12. С. 13–33.
3. Воробьева Л.И. Психотерапия в истории психологии: культурно-исторический анализ: дис. ... канд. психол. наук. М., 2016. 224 с.
4. Ромек Е.А. Психотерапия: рождение науки и профессии. Ростов н/Д: Мини Тайп, 2005. 392 с.
5. Щитцова Т.В. Индивидуальная терапия как социальная практика и как интерсубъективный опыт // Философия и психотерапия: сб. науч. статей и рабочих матер. к докл. участников II

- Международ. конф. / под ред. С.М. Бабина, В.В. Андриюшина, И.Г. Глухой. СПб: Анатолия, 2014. URL: <http://hpsy.ru/public/x6366.htm> (дата обращения: 27.09.2017).
6. *Хлебникова О.В.* Потребление как гештальт // *Философия и культура*. 2017. № 9. С. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046.
 7. *Мочник Р.* Субъект, предположительно верящий, и нация как нулевой институт // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 1(17). С. 6–16.
 8. *Волков В.В., Хархордин О.В.* Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. 298 с.
 9. *Тюгашев Е.А.* Философия как социокультурный феномен // *Философская мысль*. 2017. № 10. С. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.10.24144.
 10. *Князева Е.Н.* Атомизм и холизм в современной теории сложности // *Философия и культура*. 2013. № 6. С. 736–745. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8319.
 11. *Сатохина Н.И.* Юриспруденція як фронтетичний досвід: постановка проблеми // *Проблеми законності: зб. наук. пр. Харків*, 2016. № 133. С. 241–248. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/yurisprudentsiya-kak-froneticheskiy-opyt-postanovka-problemy> (дата обращения: 27.09.2017). DOI: 10.21564/2414-990x.133.70912.
 12. *Левяш И.Я., Левяш С.Е.* Гуманитарно-культурологическая модель образования для всех. СПб.: Эйдос, 2011. 292 с.
 13. *Круткин В.Л.* «Материальный поворот» в социальных исследованиях и «неосязаемое культурное наследие» // *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*. 2017. № 2. С. 141–149.
 14. *Хабермас Ю.* Будущее человеческой природы / пер. с нем. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
 15. *Барг О.А.* Феномен смысла жизни, природа сознания и научная философия // *Новые идеи в философии: сб. науч. ст. Пермь: Изд-во Перм. ун-та*, 2000. Вып. 9. С. 132–137.
 16. *Колтакова М.Ю.* Эволюция психотерапии // *Культурно-историческая психология*. 2009. № 3. С. 91–100.
 17. *Крапивенский С.Э., Косицына Ф.П.* Современное обществознание: необходимость методологического синтеза // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2006. № 5. С. 21–27.
 18. *Князева Е.Н.* Как возможно мышление о сложном и управление сложностью? // *Вопросы философии*. 2010. № 10. С. 81–83.
 19. *Пигров К.С.* Еще раз о предмете социальной философии // *Личность. Культура. Общество*. 2003. Вып. 1–2. С. 57–68.
 20. *Черненко В.А.* Этнос «невозможного» как парадигма гуманитарного знания XXI века // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Серія: Теорія культури і філософія науки*. 2014. Т. 1092, № 50. С. 99–103. URL: <http://periodicals.karazin.ua/thcphs/article/download/2177/1922> (дата обращения: 20.09.2017).
 21. *Киреева Е.Е., Шехова Н.В.* Устойчивое развитие и новая этика потребления // *Региональное развитие*. 2014. № 1. С. 69–73.
 22. *Ленин В.И.* Две тактики социал-демократии в демократической революции // *Полн. собр. соч.: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат*, 1960. Т. 11. 589 с.
 23. *Медоуз Д., Рандерс Й., Медоуз Д.* Пределы роста. 30 лет спустя / пер. с англ. М.: Академкнига, 2007. 342 с.

Получено 03.10.2017

References

1. Mikhailova E.L. *Napryazhenie v seti normal'noe (nekotorye aspekty psikhoterapii kak sotsiokul'turnoy praktiki)* [The Voltage in the Network is Normal (Some Aspects of Psychotherapy as a Socio-Cultural Practice)]. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. 2006, vol. 3, no. 1, pp. 77–81. (In Russian).
2. Rozin V.M. *Ponyatie i tipy antropopraktik* [Concept and types of anthropo-practices]. CHELOVEK.RU [HUMAN.RU]. 2017, no. 12, pp. 13–33. (In Russian).
3. Vorob'eva L.I. *Psikhoterapiya v istorii psihologii: kul'turno-istoricheskiy analiz: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychotherapy in the history of psychology: cultural and historical analysis: dissertation for the degree of Candidate of Psychology]. Moscow, 2016. 224 p. (In Russian).
4. Romek E.A. *Psikhoterapiya: rozhdenie nauki i professii* [Psychotherapy: the birth of science and profession]. Rostov-on-Don, Mini Taip LLC Publ., 2005, 392 p. (In Russian).
5. Shchitsova T.V. *Individual'naya terapiya kak social'naya praktika i kak intersub'ektivniy opyt* [Individual therapy as social practice and as intersubjective experience]. *Filosofiya i psikhoterapiya: sb. nauch. statey* [Philosophy and psychotherapy: col. of scient. articles]. Available at: <http://hpsy.ru/public/x6366.htm> (accessed 27.09.2017). (In Russian).

6. Hlebnikova O.V. *Potreblenie kak geshtal't* [Consumption as Gestalt]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2017, no. 9, pp. 1–9. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.9.24046. (In Russian).
7. Mochnik R. *Sub'ekt, predpolozhitel'no veryashchiy, i naciya kak nulevoy institut* [Subject supposed to believe, and the nation as a zero institution]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald Series «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2014, no. 1(17), pp. 6–16. (In Russian).
8. Volkov V.V., Harhordin O.V. *Teoriya praktik* [The theory of practices]. Saint Petersburg, European University Publ., 2008, 298 p. (In Russian).
9. Tyugashev E.A. *Filosofiya kak sotsiokul'turniy fenomen* [Philosophy as a sociocultural phenomenon]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical thought]. 2017, no. 10, pp. 1–8. DOI: 10.25136/2409-8728.2017.10.24144 (In Russian).
10. Knyazeva E.N. *Atomizm i holizm v sovremennoy teorii slozhnosti* [Atomism and holism in modern complexity theory]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and Culture]. 2013, no. 6. pp. 736–745. DOI: 10.7256/1999-2793.2013.6.8319. (In Russian).
11. Satokhina N.I. *Yurisprudentsiya kak froneticheskiy opyt: postanovka problemy* [Jurisprudence as a phronetic experience: formulation of the problem]. *Problemy zakonnosti: sb. nauch. statey* [Problems of legality: col. of scient. articles]. Kharkov, 2016, no. 133, pp. 241–248. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/yurisprudentsiya-kak-froneticheskiy-opyt-postanovka-problemy> (accessed 27.09.2017). DOI: 10.21564/2414-990x.133.70912. (In Ukrainian).
12. Levyash I.Ja., Levyash S.E. *Gumanitarno-kul'turologicheskaya model' obrazovaniya dlya vseh* [Humanitarian-cultural model of education for all]. Saint Petersburg, Eidos Publ., 2011, 292 p. (In Russian).
13. Krutkin V.L. «Material'nyy povорот» v sotsial'nyh issledovaniyah i «neosyazaemoe kul'turnoe nasledie» [«Material turn» in social studies and «intangible heritage» of culture]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political science. International relations]. 2017, no. 2, pp. 141–149. (In Russian).
14. Habermas J. *Budushchee chelovecheskoy prirody* [The future of human nature]. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002, 144 p. (In Russian).
15. Barg O.A. *Fenomen smysla zhizni, priroda soznaniya i nauchnaya filosofiya* [Phenomenon of the meaning of life, nature of consciousness and scientific philosophy]. *Novye idei v filosofii*. [New ideas in philosophy]. Perm, PSU Publ., 2000, iss. 9. pp. 132–137. (In Russian).
16. Kolpakova M.Yu. *Evolyutsiya psikhoterapii* [Evolution of psychotherapy]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural-historical psychology]. 2009, no. 3, pp. 91–100. (In Russian).
17. Krapivenskiy S.E., Kositsyna F.P. *Sovremennoe obshchestvo: neobhodimost' metodologicheskogo sinteza* [Contemporary social science: the need for methodological synthesis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'niye tekhnologii* [The Science Journal of Volgograd State University. Philosophy. Sociology and Social Technologies]. 2006, no. 5, pp. 21–27. (In Russian).
18. Knyazeva E.N. *Kak vozmozhno myshlenie o slozhnom i upravlenie slozhnost'yu?* [How is it possible to think about complexity and complexity management?] *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. 2010, no. 10, pp. 81–83. (In Russian).
19. Pigrov K.S. *Eshche raz o predmete sotsial'noy filosofii* [Again about the subject of social philosophy]. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo*. [Personality. Culture. Society]. 2003, iss. 1–2, pp. 57–68. (In Russian).
20. Chernenko V.A. *Etos «nevozmozhnogo» kak paradigma gumanitarnogo znaniya XXI veka* [Ethos of the «impossible» as the paradigm of humanitarian knowledge of the 21st century]. *Vestnik Khar'kovskogo natsional'nogo universiteta im. V.N. Karazina. Seriya: Teoriya kul'tury i filosofiya nauki* [Bulletin of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Theory of Culture and Philosophy of Science]. 2014, vol. 1092, no. 50, pp. 99–103. Available at: <http://periodicals.karazin.ua/thcphs/article/download/2177/1922> (accessed 20.09.2017). (In Russian).
21. Kireeva E.E., Shekhova N.V. *Ustoychivoe razvitie i novaya etika potrebleniya* [Sustainable Development and the New Ethics of Consumption]. *Regional'noe razvitie* [Regional development]. 2014, no. 1, pp. 69–73. (In Russian).
22. Lenin V.I. *Dve taktiki sotsial-demokratii v demokraticheskoy revolyutsii* [Two tactics of Social-Democracy in the Democratic Revolution]. *Polnoe sobranie sochineniy: v 55 t.* [Collected works: in 55 vols.]. Moscow, Politizdat Publ., 1960, vol. 11, 589 p. (In Russian).
23. Meadows D., Randers J., Meadows D. *Predely rosta. 30 let spustya* [The Limits of Growth: The 30-Year Update]. Moscow, Akademkniga Publ., 2007, 342 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 03.10.2017

Об авторе

Динабург Светлана Роальдовна
аспирант, старший преподаватель кафедры
философии и права

Пермский национальный исследовательский
политехнический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0654-4167

About the author

Dinaburg Svetlana Roaldovna
Ph.D. Student, Senior Lecturer of the Department
of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: svetlana.dinaburg@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0654-4167

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Динабург С.Р. Потенциал психотерапии как гуманитарной практики: философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 537–546.
DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-537-546

Please cite this article in English as:

Dinaburg S.R. Potential of psychotherapy as humanitarian practice: philosophical analysis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2017. Iss. 4. P. 537–546. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-537-546